

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалюва

Гуля Риф

Равнение на Софулу

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Гуля Риф
Равнение на Софулу

Издательство «Детская литература»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Риф Г.

Равнение на Софулу / Г. Риф — Издательство «Детская литература», 2018 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005951-3

Тринадцатилетняя Софула — обычная деревенская девчонка. Она любит скакать на лошади, играть с мальчишками в футбол, читать и не стесняется каждому говорить в глаза, что она о нём думает. Мудрый пожилой сосед Иван Фёдорович, по прозвищу Кряж, ласково называет Софийку стрекозой и ставит в пример её непутёвым сверстницам, помешанным на парнях, собственной внешности и всяких новомодных фишках из телевизора и глянцевого журналов. Забавный лозунг Кряжа «Держи равнение на стрекозу!», мгновенно переименованный ребятами в «Равнение на Софулу!», так бы и остался весёлой и доброй шуткой, если бы не пришла настоящая беда, от которой Софула никак не могла остаться в стороне. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005951-3

© Риф Г., 2018
© Издательство «Детская литература», 2018

Содержание

О Конкурсе	7
Равнение на Софулу	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Гуля Риф Равнение на Софулу

© Гуля Риф, 2018

© Курбанова Н. М., иллюстрации, 2018

© Рыбаков А., оформлении серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2018

* * *

О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2018 года в серии уже издано более 30 книг. Готовятся к выпуску повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Равнение на Софулу

Повестъ

Глава 1

Попалась! – выскочил из прибрежных кустов Палёный. Растопырился поперёк дороги, разведя руки в стороны.

– Сдурел? – натянув поводья, успела осадить коня Софийка. – копытом в лоб захотел?

Палёный стоял, демонстрируя бронзовый загар и ослепительную улыбку, неотразимую, одну-единственную на две деревни.

– Дай прокатиться.

– Мой конь – это не твой драндулет, – кивнула Софийка на красный мотоцикл. – Грин кому попало не разрешает на себя садиться.

– Хана тебе, Софула! – разозлился Палёный.

– Догони сначала!

Мальчишки, отдыхающие на берегу, погнались коня свистом. Из воды послышалось улюлюканье купающихся ребят.

– Догоню! – заверил всех Палёный, заводя дедовскую «Яву».

Софийка выждала момент, когда он поравняется с ней, – суженные чёрточки глаз, обветренные губы...

«А мы вот так!» – прижавшись к холке, она с галопом подняла Грина на дыбы.

Мотоцикл пронёсся мимо.

– Пока, Маратик, нам не по пути!

И Софийка пустила коня рысцей по петляющей тропе в сторону гор: бабушка просила её провести разведку, где этим летом ягод больше.

* * *

Тимошка лихорадочно скрёб забор, стараясь расширить узкую прореху между ссохшимися досками. Услышав со стороны соседей голос Ивана Фёдоровича, перестал корябать и попробовал просунуть в вертикальный просвет нос. Ничего не вышло. Тогда приблизил к щели один глаз. Небольшой фрагмент двора, который он привык разглядывать ежедневно, на этот раз загородил шарообразный индюк – стоял как раз напротив зоны видимости, раскинув веером хвост.

«Ходячие перья! – сердито подумал Тимка на манер Ивана Фёдоровича, который так ругал собственного драчливого петуха. – Ощипать тебя треба!» – продолжая копировать хозяйина, мысленно пригрозил Тимка «ходячим перьям».

Веерохвостый словно почувствовал скрытый взгляд – степенно покачиваясь, медленно развернулся...

«Уже ощипанный?!» – изумился Тимка, увидев абсолютно лысый верх птицы.

У Ивана Фёдоровича индюков не водилось, и у соседей Тимошка раньше их не замечал, поэтому с любопытством рассматривал пупырчато-бугристую кожу, обтянувшую неровными вздутыми складками маленькую головку и шею веерохвостого. Излишки кожи, в виде сморщенной мокрой тряпицы, свисали с клюва и болтались красными помпончиками на груди.

Индюк, немного покачав пупырчатой головой, неожиданно кинул вперёд длинную шею и пронзительно кулдыкнул. Одновременно с ним что-то сказала баба Лидушка. Из-за индюшачьего клокотания Тимка слов соседки не разобрал.

– Чушь, не верю я во все эти наговоры-заговоры! – ответил ей Иван Фёдорович, он же Кряж, прозванный так односельчанами из-за фигуры, напоминающей толстый обрубок бревна. – Шарлатанство сплошное, чертовщина всякая, ведьмы!..

«Кулды-ы-ык!..» – встрял в разговор индюк.

– Кыш! – прикрикнула на индюка Лидушка и горячо возразила Ивану Фёдоровичу: – Окстись! Какая ведьма? Марийка – народная целительница.

– Серьёзную болезнь плевками и шептаниями не вывести.

– Беда-а-а... – после недолгой паузы выдохнула соседка. – Сама сказала?

– Зять. А сама ни словечка, – с едва скрываемой обидой пожаловался Иван Фёдорович, – только предупредила – скоро будут. Внука привезут.

– От те на! Радуйся. За столько лет впервые приедут. Выходит...

«Кулды-ы-ык!»

– Да чтоб тебя! Сгинь! Выходит, помирились?

– Не это важно, – сухо произнёс Иван Фёдорович.

– И то... – согласилась соседка. – Вань, всё ж послушай меня, свози дочку к Марийке. Веришь не веришь, а шанс есть. Лучше, если поверишь.

– В слова пустые не верю, треба доказательств.

– От те на! А я? Живое доказательство! Суставами мучилась, выкручивало, как бельё после стирки. Съездила, теперь – тьфу, тьфу...

– Как тебя понять? Сама давеча хвалилась, что суставы сабельником да мокрицей подлечила.

– С детства упрямый, Кряж тугоухий! Чем слушал? Травы-то по её наставлению пить стала. Марийка и надоумила. Мне не веришь, посмотри на Валерку Силантьева – результат налицо. Припомни, как он месяц назад, согнувшись дугой, еле ковылял. К ней съездил и выпрямился. Стал осанистый, линейный, утюжком выглаженный.

– И Силантьев к ней ездил?
– Я тут ещё припомнила...
– Достаточно. Попробую убедить дочь. Рассказывай, где живёт твоя Марийка, лекарка непревзойдённая.
– Рядышком, в Низовке.
– Фамилия?
– Не знаю фамилию, знаю, что Петьки Агадюкова жена. С Сибири её привёз.
– Ха-ах, хах!.. Агадюкова... жена, а фамилию не знаешь!.. а-хах!..
– От те на! Сказанула! А ты смейся, смейся – наплакаться ещё успеешь.
«Кулды-ы-ык, кулды-ы-ык!..» – выдал новую порцию протяжно-булькающих звуков неугомонный индюк.

Тимоха, не дожидаясь, что ответит Иван Фёдорович, отпрянул от поста наблюдения. Постоял, прислушиваясь к собственным чувствам, и вдруг снова набросился на забор. Ещё ожесточённое принялся корябать доски. Он разозлился на Ивана Фёдоровича: «Ходит по гостям, меня с собой не берёт!»

– Тимоха! – послышался зов со стороны калитки. – Немтырь! Вон ты где... вижу.

«Засёк», – запоздало припал к земле Тимоха, зная, что он сейчас «творит безобразие» и Ивану Фёдоровичу это не понравится.

– Вот ты где, – приволакивая правую ногу, подошёл Кряж. – и тут траву скосить треба. – озабоченно оглядел заросли, буйно разросшиеся вдоль забора, будто увидел их впервые. – слушай, у меня глотка не лужёная и не казённая, не заставляй два раза кряду кричать. Как слышал, что кличу, шementом¹ ко мне. Понял? А это что? Опять дыру наколупал? – Он сунул палец в зазор между досками. – Ну да, расковырял-таки. Безобразие творишь? Ни на минуту одного оставить нельзя...

Тимошке хотелось ответить: «Так не оставляй! Мне скучно», но, как ни старался, кроме сипа и шипения, нормального лая из себя выдавить не смог.

Их дом, прячась от соседей и улицы, был огорожен по периметру высоким дощатым забором. Это щенку не нравилось, его интересовало, что происходит вокруг.

– Видно, общения тебе не хватает, – догадался Иван Фёдорович. – Ничего, скоро наиграешься: на днях внук приедет. Айда-пошли, не обтирайся тут, не лежи в траве, её не косить – с корнями повывёргивать треба, до безобразия клещей... покажи-ка пузо! У-у-у, слюни-то ручьём! Дюже слюнявый ты, и шерсть, как с овцы, стричь можно. В этих зарослях ничего не увидишь – вычёсывать треба. Ты, случаем, не потомок йети? – Иван Фёдорович, продолжая ворчать, заботливо оглядел Тимку. – не будешь слушаться – за уши драть стану. Ты – немота, но уши-то чуткие, не притворяйся глухим. Понял? Разбаловал я тебя, Тимошка, забывать ты стал, кто в доме главный. Напоминаю, я – главный. Ну, не скули, успокойся, – погладил его по голове хозяин. – Вот погоди пару деньков, сена накошу, тутошний бурьян повывёргиваю и к Айболиту Петровичу тебя поведу. Пусть глянет твою глотку, скажет, что не так...

Тимоха смотрел прямо в глаза Ивану Фёдоровичу, пробуя донести до хозяина другое желание: «Хоть раз пусти меня на улицу одного. Свободно хочу побегать».

Однако Иван Фёдорович не был телепатом, талдычил своё:

– Ну не ешь глазами-то, знаю, хоть убогий ты, немтырь, да умный. Проживём. Я за шестой десяток перевалил с деревяшкой вместо стопы и ещё до ста доживу... айда-пошли!

Тимка, выслушав длинную речь, которую Кряж произносил ежедневно, понуро поплёлся за ним. А тот и по дороге к дому не унимался:

---

¹ Шémentом – мигом, быстро (*жарг.*).

– Я тут думками извёлся по твоему поводу. Треба тебя чему-то обучать. Сам-то что думаешь? Или поздно? Сразу следовало? Вон сколько любопытства и энергии, хоть лампочки к тебе привязывай, ей-богу, засветятся!

Глава 2

На улице скандальная баба Поля с соседнего подъезда, охраняя от пыли развешенное бельё, криком отгоняла мальчишек, играющих в футбол. За ребят заступался Валеркин отец, дядя Толик. Он иногда брал на себя роль тренера или судьи и поэтому был всегда на стороне детей. Мальчишки, чувствуя защиту взрослого, дерзили бабушке. И хохотали.

Айнур не подходил к окну, чтобы чужим весельем и царящим на улице чудесным летним настроением ещё сильнее не растревожить душевную боль.

Этим летом из его жизни утекла беззаботная радость.

Началось с мелочи: в последний день майских праздников он, сняв футболку, целый день гонял на велике. Обезумевшее солнце, радуясь отсутствию туч и облаков, палило не повесенному яро. Вечером шея, спина и руки Айнура покраснели и начали гореть, будто их натёрли наждачной бумагой. Папа, глядя, как мама смазывает сыну сметаной самые болезненные участки, пошутил: «Шашлык недожаренный». Айнур бодро посмеялся, будучи уверен, что через пару дней «всё будет норм». Он и раньше краснел от первых жарких лучей, хотя, может, не так сильно, но никогда не облезал.

Прошла неделя, и коричневая кожа, обнажая розовые участки тела, начала отходить лоскутами, как обои на кухне после потопа, устроенного соседями сверху. Айнур плевать хотел на собственную облезлость, если бы Валерка не обозвал его «заразным татаринном». Многие обрадовались, тут же подхватили, лишь бы их не трогали, хотя у некоторых даже носы были облупленные. Айнур считал глупым смеяться над неудачным загаром и подрался с Валеркой, украсив его лоб синяком.

Тот пожаловался отцу.

Дядя Толя прибежал разбираться с отцом Айнура. Они закрылись на кухне и сначала спорили, кто правильнее воспитывает ребёнка, и хвалились каждый своим сыном. Потом о чём-то шептались и смеялись. Перед уходом дядя Толя, показывая, как умеет красиво петь, нудно затянул что-то из «Сплина», а папа решил станцевать брейк-данс. Когда пришла мама, он как раз крутил на полу нижний брейк, вернее, лёжа на спине, дрыгал ногами в воздухе, а дядя Толя выпевал очередной куплет.

Валеркин отец, застеснявшись, скорее убежал.

Маме папа не стал рассказывать, зачем тот приходил, кратко сообщив:

– Просто пообщались.

– Или просто винишком побаловались! – усмехнулась мама.

На следующий день Айнур во время игры в футбол заметил: дядя Толя подсуживает команде сына, назначая неправильные штрафные, поэтому команда Айнура проиграла. И дальше на каждой игре дядя Толя судил нечестно.

Три игры Айнур терпел. На четвёртый день, не выдержав, крикнул:

– Вы нарочно назначаете одиннадцатиметровые!

– Что ты гонишь? – заступаясь за отца, заорал Валерка.

– Твой фазер сейчас придумал нарушение, которого не было.

– Не было! – загудела команда Айнура.

– Было! – протестовала команда Валерки.

Сам Валерка, сверкая разноцветным синяком на лбу, бросился на Айнура. Дядя Толя их разнял, назвав Айнура «наглым татарчонком». Тот, обидевшись, ушёл домой и вечером попросил отца взять путёвку в лагерь на первый заезд. Он за тринадцать лет в загородный лагерь ездил один раз, и с того единственного раза возненавидел его, потому что там всё приходилось делать по команде, по разрешению и по расписанию. Но гулять во дворе больше не хотелось. Еле дождался начала каникул и отправился в добровольную ссылку.

* * *

Вернувшись, Айнур понял: обгорание на солнце, драка с Валеркой, несправедливость дяди Толи в суде и загубленный месяц в лагере – ерунда. За время его отсутствия мама удивительным образом из крепенькой хохотушки превратилась в печальную Дюймовочку с большими, глубоко запавшими глазами. Айнур вначале порадовался за неё, похудевшую, постройневшую. Однако по выражению папиного лица и его поведению – а он стал слишком обходительным с мамой – понял: с ней что-то не так.

Мама день за днём таяла, становясь прозрачной и хрупкой. Даже её смех, раньше не уместившийся в их маленькой квартире, разбивавшийся о стены и вылетающий на улицу, сделался тихим – слабым ручейком вытекал через узкую щёлку высохших губ.

Вместе с прежней мамой ушли, растаяли дни, когда они все вместе обсуждали новости, спорили о космосе, придумывали подводный крабоход и играли в шахматы. Иногда Айнуру казалось, что настоящую маму похитили пришельцы, заменив не совсем удачной копией. Её погруженность в себя и отчуждённость пугали.

Папа ходил угрюмо-озабоченный.

– Иди обследуйся, – гнал маму в больницу. – ты в медицине ни бум-бум, как можешь сама себе диагноз ставить?

Мама молчала. Ещё сильнее поджимала губы.

Сейчас она призрачным фантомом стояла у открытого окна, смотрела на улицу, где властвовал зычный голос бабы Поли и дерзкий смех детей. Солнце, пронзая насквозь лёгкую ткань мешковатого халата, высвечивало ее худобу.

– Ты заболела? – спросил Айнур.

– Завтра поедem в Верхоречье, – отозвался тихим голосом фантом, не оборачиваясь, словно обращаясь к солнцу, а не к Айнуру.

Глава 3

Вода журчала и радовала.

Речка!

С ней можно соревноваться наперегонки. А можно, разрезая поперёк шустрое течение, переплыть на другую сторону, пока Кряж не видит. Но он видит. Он всё видит. Погрозив кулаком с берега, закричал:

– Тимоха, шементом ко мне! Течением смоег. Будь рядом!

Расстегнув крепление, стянул с правой ноги протез, поскакал на левой и с криком «ух-хы!» нырнул.

Иван Фёдорович телом бревно кряжистое, без правой стопы, но ловкий и умелый во всём, в воде – рыба. Тимоха, хоть и знал это, вернувшись на берег, напрягся в ожидании. В такие минуты в его сердце прокрадывался страх: «Вдруг утонет?» – и он стоял наготове.

В середине реки, раскидывая брызги, появилась голова Кряжа.

– Айда-пошли! – позвал, взмахнув рукой.

Тимошка, радуясь разрешению купаться, а больше тому, что Иван Фёдорович не утонул, по второму кругу понёсся по мелководью, прерывисто дыша. Потеряв дно, поплыл.

На речку они ходили каждый вечер после сенокоса. Уходили ниже по течению от импровизированного пляжа.

Купались независимо от погоды.

Находиться в игривой воде Тимошке нравилось. И косить тоже. Вернее, наблюдать, как косит Кряж. Иван Фёдорович был скуп на движения – работал точно и выверено. Взмах – чирх! – трава у ног, взмах – раз-два! – без передышки. Тимка, уставая смотреть на него, начинал ловить «звуки», которые были разными по размеру, форме, цвету; некоторые трепетали крылышками, попадались и кусачие. Набегавшись и напрыгавшись, он застывал. Вслушиваясь в звон и жужжание насекомых, стоял в напряжённой позе, словно силясь что-то вспомнить. Оглядывался на Ивана Фёдоровича, – тот, шевеля мускулистыми плечами, отлаженным часовым механизмом продолжал укладывать на землю траву: взмах – чирх!..

Плавание утомило Тимку. Он успел три-четыре раза выскочить на берег и всякий раз, переживая за Ивана Фёдоровича, возвращался. Стерёг его.

Наконец Кряж выполз на четвереньках, мотая головой и отфыркиваясь, словно изображая соседского коня Грина, которого внучка Лидушки привела для купания.

«Откуда у Софийки бланш?» – разглядел Иван Фёдорович у девочки синяк под левым глазом. При встречах с ней ему хотелось улыбаться: вспоминал первую реакцию бабы Лиды на новость о беременности невестки: «От те на, привалила нечаянность!» Сама сноха Полина и Лидушкин сын Борис приняли это как должное, хотя были ровесниками Ивана Фёдоровича. В Москве у них росли два внука от старшего сына. Младший, неугомонный Вовка, засиделся в парнях и больше всех обрадовался появлению сестрёнки. Везде таскал с собой, научил играть в футбол, плавать, скакать верхом. А Софийка ему выбрала невесту, когда пошла в школу. В первый же день понравилась ей учительница физкультуры. Вернувшись с уроков, велела брату: «Женись на Марине Сергеевне. Она физкультурная, как ты». Все посмеялись, Вовка громче всех, а через полгода «физкультурная учительница» стала его женой.

– Стрекоза, откуда бланш? – не выдержав, поинтересовался Иван Фёдорович.

– С Палёным подралась.

– Расскажи-ка.

– Сначала Палёный говорил, что у меня шишковатые коленки. Я думала: «Ладно, не буду ссориться из-за ерунды». А вчера он выдал: «Ты не можешь играть в футбол с вывернутыми коленками». Нормально, да? Я, естественно, не выдержала: «Ты, Палёный, слепощара, что ли? Сначала мои коленки тебе кажутся шишковатыми, теперь вывернутыми. Это у тебя мозги вывернутые, поэтому в глазах мутно. Теперь я поняла, почему ты всё время мимо ворот бьёшь». Он разозлился и толкнул меня, потом я его, и мы тыдыщ-тыдыщ друг друга. У него тоже синяк. Я умею драться. И в футбол играть тоже умею. И коленки мои совсем не вывернутые.

Иван Фёдорович, едва сдерживая улыбку, сказал:

– Согласен, вывернутыми их назвать нельзя. Вот голенастая ты – да, оттого и колени шишковатыми кажутся. Это пока, потом израстёшься, и ноги покрасивеют, конечно, если в футбол гонять не будешь. Тут он прав. Вреден девчатам футбол. Всё повывихиваешь, к чертям, лучше шить учишь да стряпать.

– Ещё один! – перестав намывать коню бок, возмутилась девочка. – Палёный и вы думаете, как вымершие динозавры. Он тоже твердит: «Иди вышивай. Нельзя девочкам с пацанами, мы боимся тебя травмировать». Главное, драться можно, не боится травмировать, – потрогала синяк Софийка, – а в футбол со мной нельзя. Придурок вообще Палёный.

– У Палёного есть имя?

– Марат.

– Это не Сафаргуловых младший, который чуть родной дом не сжёт?

– Он, неадекват, поэтому Палёный.

– Вот что скажу: нравишься ты ему, худышка. В вашем возрасте мальчики симпатию показывают через антипатию.

– Ну конечно! Ему Катька городская нравится. С ней переписывается. Лайки ставит на все фотки. Вообще, он не в моём вкусе, – по-взрослому сообщила Софийка. – а в футбол не принимает из-за страха, что я его затмю.

– Затмю? – переспросил Иван Фёдорович, изобразив недоумение.

– Не притворяйтесь, вы же поняли, о чём я.

Кряж, посмеиваясь, пожал плечами.

– Могу затмить, – пояснила девочка. – так говорят?

– Так, так, – продолжая посмеиваться, успокоил её Иван Фёдорович.

– Я же голы лучше всех забиваю, – гордо заявила Софийка. – раньше с Маратом в одной команде были, теперь с низовскими против него буду играть. – и, кивнув на Тимошку, спросила: – Какой породы?

– Понятия не имею.

– Видно, что породистый. Покупали щенка и не спросили?

– Нет.

– Почему?

– Я в породах ни бельмеса, для меня любая собака – собака, хоть породистая, хоть дворняга, её понимать, воспитывать и любить треба.

– То есть просто пришли, взяли и ушли молча?

– Ну-у-у да... примерно так... – Иван Фёдорович явно тяготился её пристрастным расспросом.

– Дядь Вань, что-то скрываете, по глазам вижу.

Кряж рассмеялся.

– Шпионка. Вся в бабулю.

– Я хуже. Пристану – не отстану. А ну быстро рассказывайте! – шутливо приказала Софийка.

– Хорошо, – сдался Кряж. – в мае, помнишь, жаркие дни были?

– Ещё бы! Палёный меня прямо в одежде в речку столкнул и всем кричал, что я первая купальный сезон открыла, хотя до меня уже сто человек искупалось. Придурок, вообще.

– А я за сморчками ходил, в низинах искал. В этом году их мало было: снег быстро сошёл, солнце палило, земля подсохла...

– И сморчки сморщились! – со смехом вставила Софийка.

– Даже сморщиться не успели – вообще не проклюнулись. Походил, походил, грибов практически не нашёл, поэтому решил пройти на заливные луга дикого лука набрать. Подобрал ещё одну хорошую палку для опоры – подьёмы тяжеловато даются – и вверх поковылял. Смотрю, стоит «опель», на открытом участке. Обычно городские оставляют свои машины ближе к деревьям, прячут, а эта на середине тропы. Когда мимо проходил, увидел вот этого, – Иван Фёдорович показал на Тимку, – скрёбся, метался по салону. Не знаю, сколько он пробыл закупоренным под солнцем, но то, что задыхается, понял сразу. Стукнул я со всей дури по лобовому стеклу палками.

– Зачем?

– Думал, сигнализация включится. Ничего не сработало. Одна палка треснула, другая сломалась. Отстегнул я тогда приставную стопу, вынул деревяшку из кожуха и долбанул по окну... разбил.

– Всё-таки разбили!

– В таких ситуациях треба быстро решения принимать. Мог бы, конечно, пошуметь, хозяев покричать, но злость меня взяла на них.

– Получается, вы Тимошку украли.

– Спас! – рассердился Кряж и горячо, будто оправдываясь, продолжил: – После того как вытащил его, сколько по тропе ковылял!.. Протез-то после удара лопнул, поэтому еле тащился,

да ещё с этим на руках. Черепашьим шагом. Потом на дороге его отпустил. Не убежал, рядом шёл. Нас никто не догнал. Хозяева забыли о нём, не включили мозги, что в такую жару в закрытом автомобиле любой сварится. Не разбей я окно, что бы с ним стало?

Софийка промолчала, не зная, как оценить поступок соседа.

Иван Фёдорович уже раскаялся, что раскрыл секрет появления Тимошки, – не хотел никому признаваться, а тут – нате вам! – взял да выложил.

– Я бы, наверное, тоже так сделала, – после недолгих раздумий сказала Софийка.

– А у меня потом думки появились: тот день не за грибами пошёл – за ним.

Софийка заулыбалась.

– Спасательная миссия?

– Да, – серьёзно ответил Кряж. – Пока ногу пристёгивал, Тимошка, прижавшись к бедру, рядом сопел, а мог убежать.

– Точно. Значит, не зря к вам попал, вон как хорошо дрессируете: слушается и лает смешно, без голоса. Голоса ни разу не слышала. Как научили?

– Разве ж можно научить пса беззвучно лаять?

– А Тимошка?

– Немтырь он.

– Не поняла?

– Собачья немота, – придумал Кряж название Тимошкиной болезни, не зная, как объяснить неполноценность щенка.

– Собачья немота? – удивилась Софийка, посмотрев на Тимку более заинтересованно. – слышала о куриной слепоте, а... – хотела ещё что-то спросить, но Грин, недовольный тем, что хозяйка надолго отвлеклась, заржал, нервно прядая ушами. – Спокойно! – похлопала его Софийка.

Она вывела Грина на берег, подвела к пригорку; оттолкнувшись от него, вскочила на коня и, уже отъехав на приличное расстояние, развернула, пустила с места в галоп. Грин стремительно вбежал в реку, измяв копытами течение, фонтаном взметнул прибрежные воды.

– И-и-и!.. – по-жеребьячи тонко закричала Софийка.

Тимка, поддавшись азарту коня и девочки, хотел припустить вслед за ними, но Кряж осадил: «Куда?» Тимошка понурился. Купаться с Лидушкиной внучкой и конём показалось интереснее, чем просто охранять в воде Ивана Фёдоровича. А тот, пристегнув к правой ноге деревяшку, сказал:

– Дюжая бесовка... – и непонятно было, поругал он внучку бабы Лиды или похвалил. – айда-пошли!..

Глава 4

В Верхоречье выехали ранним утром.

Шоссе, по которому они мчались, словно вытекало из янтарного нутра восходящего солнца. Отец, бормоча проклятия, старался удержать на носу солнцезащитные очки со сломанной дужкой. Немного помучившись, сказал:

– Очередное фуфло.

Очки полетели в окно.

«Миллион сто пятые!» – иронично подметил про себя Айнур и, порывшись в рюкзаке, достал свои.

– На.

– Издеваешься?

– С чего взял?

– Сравни свою «репу» с моей.

– Ну.

– Что – ну? Говори полно! – раздражаясь, велел отец.

– Ну, твоя «репа» больше, – отчеканил Айнур.

– Вот и всё.

– Что – вот и всё, говори полно! – передразнил Айнур.

– Вот и всё, надену – им кирдык придёт.

И правда, ни одни очки не служили отцу больше недели. Или сам ломал, или кто-нибудь другой, ненароком сев-раздавив, уронив-наступив.

– Сломаешь – другие купишь.

– Купишь кукиш. Убери.

– Ну и шурься, как китаец.

– Нам, татарам, всё равно, – пробормотал отец и включил радио, давая понять, что разговор закончен.

Айнур покосился на застывшую в одной позе мать. Она делала вид, что спит. Веки слегка подрагивали.

«Притворяется. Сначала фазер, теперь мазер, в игнор меня пустили. Ну и ладно! – обидевшись, Айнур откинулся на сиденье. Полез в рюкзак за сотовым. – Зашибись! Ещё лучше!..»

– Пап, я мобилу дома забыл.

– Я рад... честно, рад!

– Ты предсказуем.

– Даже не пытаюсь быть оригинальным.

– Па-а-ап...

– Что?

– Симпл... ничего. – Айнур хотел попросить айфон, но передумал, представив, с какой миной тот его даст, если даст вообще.

Чтобы прогнать досаду на родителей и как-то развлечь себя, начал перекидываться от одного окна к другому. Справа проплывали стройные ряды высоченных пирамидальных тополей, которые плотно прижимали к себе ветки и усердно тянулись заострёнными макушками ввысь, стремясь зацепить облака. После отряда тополей пошли волнующиеся от ветра пшеничные поля. Айнур торопливо переметнулся к левому окошку, зная, что увидит озерцо, на котором в прошлом году рыбачил с родителями.

Тем летом мама была собой. На рыбалке варила уху, много говорила, смеялась и пела. До того, как «высохла», она всегда пела, особенно в машине. Почему-то именно в салоне автомобиля на неё нападали кураж: она смешила сына и мужа, пародируя кого-нибудь из популярных

певцов, или пела по-настоящему – красиво, вольно. Иногда Айнур с отцом пробовали поддержать её, но папа так фальшиво гундосил, а Айнур жидко блял, что исполнение в три голоса всегда заканчивалось дружным хохотом.

«В Ленинградской области волки научились спасаться, уходя в „Заказник“, где охота запрещена. Специалисты такое поведение считают осмысленным», – сообщил диджей радио «Маяк», а дальше захрипел Высоцкий: «идёт охота на волков, идёт охота...»

– Где Ленинградская область? – спросил Айнур, поймав в зеркале папины сощуренные глаза.

Тот, на секунду перекинув напряжённо-сосредоточенный взгляд с дороги на него, нехотя ответил:

- Раньше Санкт-Петербург назывался Ленинградом.
- По Питеру бегают волки?
- Не пори чушь, сказали же – «в области». Где леса, там и бегают.
- А возле Верхоречья есть лес?
- Есть.
- А речка?
- «Репу» включи! Верхоречье...
- Точняк! А что ещё есть?
- Горы.
- Горы?
- Не Гималаи, конечно, но... смахивают на горы.
- А волки?
- Есть волки? – переадресовал отец вопрос матери.

Айнур, приподнявшись, посмотрел на неё. Она пожалала плечами.

Сел на место. Уставился в окно, а там – ярко-жёлтое море. Захотелось выскочить из машины и побежать, петляя между тонкими зелёными ножками, расталкивая овальную листву подсолнухов, вымахавших в рост человека.

Свернули на просёлочную дорогу. Машина запрыгала на ухабах, и папа, чертыхаясь, снизил скорость до предела. Динамики затрещали, жизнерадостный ведущий стал запинаться, проглатывать слова...

– Убери его, – попросила мама, слабо взмахнув рукой.

Отец бросил на неё недовольный взгляд. Выключил радио. Посмотрел через зеркало на сына.

- Жвачка есть?
- Нет.
- Эй, не кисни, скоро приедем.

Айнур вяло кивнул, пробуя представить, чем будет заниматься в предпоследний месяц каникул. Заранее настроился на скуку. В деревне он был давным-давно, в раннем детстве, и совсем не помнил, понравилось ли ему там. Родители перестали туда ездить после смерти бабушки. Из-за мамы. Она только звонила деду, а если папа предлагал: «Рванули на длинные выходные в Верхоречье», находила сто причин «против» или же кратко произносила: «Не сейчас».

Почему мама не хотела видеть собственного отца, Айнур не понимал и, если честно, не вдавался в подробности. Ему хватало бабушки и дедушки, родителей папы, которые жили в городе и частенько приходили в гости. Или он к ним отправлялся с ночёвкой по настоянию отца. Уезжал к нанайке с картатайкой (так он их называл на татарский лад), не скрывая недовольства. Ему не нравился старый двор, где не было нормальных детей, – бегала одна мелюзга, охраняемая придиричивыми древними старушками, приросшими к таким же древним скамейкам. Даже картатай свой двор в шутку называл «нафталиновый рай».

Выставив в открытое окно руку, Айнур пробовал поймать ветер. Тот давил на ладонь, просачивался сквозь пальцы. Тогда, опустив до отказа стекло, высунул наружу голову. Шшшу – зашумело в ушах. Машина подпрыгнула, и он больно ударился шеей о верхний проём окна. Уже собрался спрятаться внутри, но, заметив впереди лениво бредущего коня с седоком, передумал.

Ветерок трепал соломенные волосы подростка и пузырил свободную футболку. Шорты до колен. В стременах загорелые ноги-палки без обуви, и... «Девчонка?!» – оторопел Айнур. Они поравнялись, и он, не успев нырнуть в салон, вытаращился на неё снизу вверх. Она тоже посмотрела пристально.

Проехали.

Айнур нарочно не стал оборачиваться, хотя очень хотелось лучше разглядеть наездницу. Запомнилась расслабленная поза и большой подсолнух в руке.

– Тюрлих-натюрлих, – непонятно к чему выдал папа. – вот такие они, деревенские дети, это тебе не городские гопники, – добавил он и неодобрительно посмотрел на сына.

– Типа, я гопник? – не понял Айнур. «Сначала у мазер, теперь у фазера крыша едет».

– Это я так, обобщаю. Ты пока в норме.

– Меня не приплетай к своим обобщениям, – предупредил Айнур, – а то...

– Что – а то?

– Ничего.

– Не увиливай, что – а то?

– Булат, не провоцируй, – неожиданно очнулась мама. Достала из сумочки расчёску. Распустила волосы.

– Сколько просил, не в машине.

– Остановись.

– Пожалуйста! – резко затормозил отец.

Маму кинуло вперёд. Пробормотав «псих!», она вышла.

– Ожила мёртвая царевна!

– Не смешно, пап!

– Сам знаю. Но, понимаешь, достала! Весь психоз от неё! Пошёл второй месяц... давно могла бы сходить в поликлинику и обследоваться. Всех в напряжении держит. Ещё придумала голодом лечиться.

– Она не специально – её всё время тошнит.

– Твою мамку не поймёшь: то говорит, тошнит, недавно сказала, что специально голодает – лечение такое. А от чего лечится? В Интернете нашла, чем болеет... в голове ни бумбум, эгоистка, думает только о себе! Подтверди, я же прав? Прав?

Отец был прав. Айнур чувствовал, что в их семье что-то разладилось. Ему тоже не нравилось, как вела себя мама. Но вслух соглашаться с отцом не хотелось, поэтому он просто пожал плечами.

– Во-во, – горько усмехнулся отец, – только и умеете плечами пожимать! Два сапога пара.

– Она же мама.

– А я? Верблюд?

– Фазер.

– Не дерзи.

– Не дерзю – просто отвечаю.

– Я англиш не признаю. Принципиально.

Айнур закатил глаза.

– С пелёнок это слышу!

Отец сказал что-то быстро на татарском и, развернувшись, победно посмотрел на сына.

Айнур ничего не понял, и это задело. Захотелось сделать ответный ход – попробовал так же быстро сказать что-нибудь на английском языке, однако запнулся на втором слове.

– Пык-мык, пык-мык! – передразнил его отец. – больше показухи, а не знания языка.

Мимо, подняв пыль, пронеслась галопом на коне девчонка.

– Ты скакал когда-нибудь верхом? – сменил тему Айнур, устав спорить.

– Скакал и с первой минуты понял: я не кавалерист. Всю пятую точку отбил. Когда со стороны смотришь, кажется – легко и просто. Хех, сейчас вспомнил: где-то прочитал, что катание верхом – «прощай целлюлит». – Отец посмотрел в окно на маму, укладывающую волосы. – Слушай, мамке ни слова, что я тут про неё наговорил. Всё. Пффф... выдохнули...

Глава 5

Софийка собралась ехать в сторону трассы.

– Ба, я семечки хочу проверить.

– От те на! – воскликнула недовольно бабушка. – гораздо время транжирить. Пустые они ещё. Даже не выросли, поди. Лучше огород полоть начни.

– Сгоняю... вдруг?..

Софийка лукавила, зная – не созрели подсолнухи. Это был повод удрать из дома и покататься на Грине. Она бы лучше поспала, но Данька вскочил очень рано и её разбудил.

– Хорошо, – вдруг смилостивилась Лидушка, – прогуляйся, только погоди малость, заранее обед Володькам соберу. Чтобы без толку коня не гонять, по пути оставишь. И смотри там, на поле агроному не попадись! Оштрафует – свои сбережения отдашь, у матери с отцом копейки нет: все на Володькин дом уходят. Размахнулся твой братец со стройкой, ни конца ни края. Скоро ему на вахту, торопится с крышей... Софочка, слышишь? Берегись агронома!

– Ой, ладно, бабушка, не пугай! Тебя послушать – злой агроном день и ночь сидит под подсолнухами и ждёт: кого бы оштрафовать? Может, Софочка на Грине прискачет?

– Тебе всё смех!

– Давай, что там отвезти?

– Софка, меня возьми, меня возьми! – заканючил племянник Данька. – прабушка, скажи, пусть Софка меня возьмёт, всегда одна катается! Грин общий, я тоже хочу.

– Не возьму! Просила – не буди. Разбудил... вредина!

– Возьми! Возьми!

Софийка, заткнув уши, выскочила на улицу. Данька с воплями за ней. Следом – Лидушка.

– Софочка, обед! А ты, Даня, поди кур с грядки шугани.

– Ы-ы-ы, кур шугать заставляешь, а на Грине кататься не разрешаешь!

– Иди-иди, куры ждут, – подтолкнула его в спину Софийка. – я быстро скакать буду, тебе не понравится. В последний раз кто ныл?

– Ты специально быстро скакала, чтобы у меня в животе кишки переворачивались.

– Вот видишь, – обрадовалась Софийка, – твои кишки ещё слабенькие! Вдруг совсем отклеятся? Мне попадёт. Нельзя тебе пока на коне скакать. На земле потренируйся: побегай, попрыгай, кур с грядок погоняй, – посоветовала она и побежала на задний двор.

* * *

Пока запрягала Грина, слышала рёв Даньки. Стало жалко племянника. Хотела пойти за ним, но, вспомнив, какой он вертлявый, а ехать надо было далеко, решила: «В следующий раз обязательно покатаю».

На окраине деревни она увидела скопление мотоциклов. Большая компания подростков из двух деревень собралась на речку. Это была традиция – открывать лето и потом начинать каждый летний месяц на берегу Каменки совместной развлекухой, которая плавно перетекала в субботние ночные дискотеки.

«Похоже, потеха назревает, а Лариска не в курсе. Ай-ай-ай, Ларка – и не при делах!.. Обычно первая обо всём узнаёт, а тут...» – подумала Софийка.

Когда в Верхоречье горел старый клуб, пожар едва не перекинулся на жилые дома, поэтому новый дом культуры построили на окраине деревни. Не сразу – лет десять прошло. Потом долго искали заведующего клубом. Им стал Василий Васильевич, гармонист, молодой

пенсионер, который переехал жить в Верхоречье из города, отработав на вредном производстве.

Здесь его сразу прозвали Пардон – из-за привычки всюду вставлять это слово. Ни жены у Пардона, ни детей не было, только гармонь, заводной характер и неиссякаемая энергия. Именно он стал инициатором и бессменным диджеем ночных дискотек.

«для вас стараюсь, – отвечал всем недовольным, – ваши дети на виду, а не через три деревни». Пардон следил за музыкальными новинками, старался угодить капризной молодёжи.

Обогнав Софийку, к группе подкатила городская Катька на мотике. Распустив выбеленные с синими прядями волосы, модно одетая, с наклеенными ресницами она не отставала от своей старшей сестры, которой было восемнадцать лет. чтобы казаться умной, Катька старалась в основном молчать. На самом деле все давно знали: ей не хватало словарного запаса не только на то, чтобы вести остроумные беседы, но даже на то, чтобы сформулировать самую простую мысль. Иногда деревенские девчонки, недолюбливающие «городскую», специально выставляли её при ребятах не в лучшем свете, задавая какой-нибудь каверзный вопрос. Катька замирала, долго хлопала накладными ресницами, стыдливо краснела и наконец отвечала или междометиями, или рваными фразами, или просто хихикала. Мальчишки гоготали, но всегда прощали Катьке этот небольшой изъян, справедливо считая, что ей досталась вся красота, а старшей сестре – весь ум (та училась в МГИМО).

За Катькой, приветственно посигналив, подъехали близнецы из Низовки – Стрижи Мишка и Гришка. Софийка помахала им в ответ и чуть с коня не свалилась: «Ларка?!» Подруга сидела на «Яве» с Палёным, положив ему на плечи ладони, и сияла от счастья. Увидев Софийку, быстро отвернулась.

– Поздно шифроваться, спалилась!

Подруга часто-часто заморгала. На неё всегда, когда она волновалась, нападал нервный тик.

– Не специально... правда забыла предупредить.

– Ага, забыла с новостью гонца послать, у тебя же нет вот такой штуки, – показала Софийка сотовый телефон.

– Ёклмн, не наезжай на меня! Я не обязана тебе докладывать, где что происходит, и приглашать.

– Хватит вопить в ухо! – обернулся Марат, скинув Ларискины руки. – Мамзелька Софула, я приглашаю тебя, официально. Погнали на пикник?

– Мерси, господинчик Палёный, за официальность, но я уже приглашённая.

– И куда направила копыта?

– На свидание... к агроному! – выпалила Софийка, чувствуя возрастающую неприязнь и к нему, и к подруге.

Едва сдерживая ярость, вскинула поводья. Застоявшийся Грин охотно стартовал.

Проскакав галопом до заливных лугов, она поостыла. Злость прошла. Ветер приятно обдувал лицо, тербил волосы. «Лариска, конечно, коза, но, даже если бы она сказала мне об этой дурацкой тусовке, я бы не пошла туда. Делать там нечего. Не хочу смотреть, как Катька по берегу будет дефилировать в новом купальнике, другие девчонки завидовать и сплетничать, а Лариска доставать стонами: „Везёт тебе, Софка, ты худая и острячка, а я – толстая и скучная!“ Блин! Только дошло... ей нравится Палёный! Вот почему вчера о нём расспрашивала...»

* * *

Лариска прибежала поздно вечером. Сначала заскочила в Лидушкин дом, с порога пожаловалась:

– Пуф, достала меня наша корова! Брыкучая дура! Опять ведро с молоком пнула.

Баба Лида заступилась за скотинку:

– Не корова виновата – сама. Небось спешила, второпях доила, вот она и разозлилась.

Ко мне в бешенстве подскочи – и я пну.

Лариска захохотала, представив брыкающуюся бабу Лиду.

– Уф, понятно, в кого Софка. Вам юмористами выступать надо. Где она?

– В Борькиной стороне.

Вход в Борькино жилище, пристройку Лидушкиного дома, был с другой стороны. На крыльце сидели Софийкины родители и грызли семечки. Дядя Боря был под хмельком:

– О, Ларка! Красивая ты, сбитенькая, и волосы шикарные!

– Дурень! – с силой шлёпнула его по затылку тётя Поля, так что дядя Боря чуть не кувыркнулся со ступенек. Тётя Поля сама же и удержала его за футболку. – Не стыдно? Что несёшь?

– Я же без пошлостей всяких, без намёков! – обиделся дядя Боря. – Это ты дура! Как могла такое подумать?

Начал заводиться.

Лариска быстренько прошмыгнула мимо.

Софийка, сидя на диване, читала книгу.

– Твой папака сейчас мне комплимент отвалил! – смеясь, сообщила Лариска.

– Он всегда тебя хвалит, – не удивилась Софийка. – говорит, что я доходяга, пацанка, и неизвестно, в кого превращусь, а ты – настоящая русская красавица растёшь. И я с ним согласна.

– Уф, не прикалывайся!

– Не веришь – не надо.

– Слово «сбитенькая», знаешь, как-то не очень радует.

– Достали твои комплексы.

– Самой надоело, – призналась Лариска. – у вас инет фурычит?

– Всё фурычит. Так и знала, что ты пришла не душевные беседы вести, а зависнуть в ВК.

– Не обижайся.

– У меня книга.

– А я не люблю читать. Кстати, мой папака из-за этого Интернет и отключил. Вот так и живу без выхода в культурный мир. Папака сказал: «Нечего в компьютер лупиться, лучше книги умные читай, а то после девятого в город поедешь поступать, а в голове пусто». Тебя бы он похвалил.

– Ммм... – мыкнула Софийка, отыскивая строчку, на которой остановилась.

Лариска замолчала, уйдя в виртуальную реальность.

– Ёклмн, сидим с тобой тут две кукушки, а у кого-то жизнь, пуф... – вздохнула вдруг.

– У кого, например? – захлопнула книгу Софийка.

Желание читать пропало. Подсела к Лариске за компьютер.

– У Катьки. У неё новые фотки в ВК. Зырь, ух какие!..

– Да здравствует фотошоп!

– Думаешь?

– Забыла, как на самом деле Катька выглядит? Это её глаза? Губы раздуты... смешно, да? И слишком жопастая.

– Какая разница, зато лайков столько.

– И что эти лайки дают?

– Популярность.

– Зачем нужна дутая популярность? Представь, она познакомится с парнем, он втюрится в неё, встретятся...

– Ой, Катька такой макияж нарисует, парень второй раз втюрится.

– Пока разговаривать не начнут.

- Ха-ха! – затряслась Лариска. – с этим не поспоришь: Катька – курочка!
- Вообще, ей проще, чем нам с тобой, – зевнула Софийка, – она в деревню просто отдыхать приезжает. Никто не заставляет её огород полоть...
- Или коров доить, – подхватила Лариска.
- Мне, например, некогда фоткаться, тем более в Вконтакте целый день сидеть. И неохота, если честно.
- Уф, тоска смертная! – не слушала её Лариса.
- Жалко, у тебя коня нет, вместе бы катались. Обожаю на Грине быстро мчаться. Как ветер. Здорово!
- Софка, не надоело ребёнком быть?
- Мне тринадцать, если что.
- Спасибо, что напомнила, ёкл! Мне давно четырнадцать, а парня нет.
- Катьке тоже четырнадцать.
- И снова спасибо! Успокоила задом наперёд, не могла лучше пример привести. Здравствуй, новый комплекс!
- Что не так?
- Катьке тоже четырнадцать, а за ней две деревни бегают.
- В городе за ней никто не бегают, там на неё похожих полно, вот она сюда и приезжает. Хотя и здесь...
- Что – здесь? – умирая от любопытства, яростно заморгала Ларка.
- Недавно в футбол играла с близнецами из Низовки. Стрижи её обсуждали. Представляешь, оказывается, мальчишки нарочно притворяются, типа, влюблённые, глаза ей замыливают, чтобы поприкалываться. Ещё из-за мотика...
- Да ну... – недоверчиво посмотрела Ларка на Софийку, – не верю... Катька же ядреная красотка. Мне только мечтать... стать бы, как она.
- Лорик, ты сама по себе красотка. По телику волосы рекламируют после шампуней, такие блестящие, пышные...
- Я тут при чём?
- Твои лучше.
- Пуф, оценил бы кто другой кроме тебя-я-я... – уныло протянула подруга. – А Палёный? Он что говорит про Катьку?
- Ничего не говорит, только лайки ставит на фотки.
- Это я сама знаю. Говорит что?
- Не знаю и знать не хочу! – вдруг рассердилась Софийка. – я запретила мальчишкам обсуждать при мне Катьку и других девчонок. Из женской солидарности. Неприятно – в глаза одно говорят, а потом за спиной – «ха-ха-ха!».
- Соф, а тебе кто нравится?
- Никто.
- А по-честному?
- Никто.
- А с кем бы хотела встречаться, для прикола хотя бы?
- Ни с ке-е-ем, – сквозь зевоту ответила Софийка.
- Даже с Палёным?
- Лорик, ты глухая? Говорю же – ни с кем! Тем более с Палёным. Терпеть его не могу. И он меня ненавидит. У нас антипатия.

- А я думала, он бегаёт за тобой. Всё время рядом крутится.
- Смотри сюда. – Софийка показала пальцем на едва заметную желтизну под глазом.
- Объясни нормально. Я не экстрасенс, чтобы с глаза информацию считывать.
- Здесь был синяк.
- Удивила. Я недавно ножом чуть половину пальца не оттяпала. И что?
- Я с Палёным из-за футбола подралась.
- Ну да! – едва сдержала радость Лариска. – Молодец! Пока я неделю в городе гостила, ты здесь не скучала. Кто победил?
- Синяк на синяк. Один – один. Ничья.
- Чумная!.. вообще, лично я не стала бы связываться с Палёным. Марат старше тебя на два года.
- Думаю, он не в полную силу дрался и, когда в глаз мне заехал, даже растерялся, а я воспользовалась и для ровного счёта ему вложила. Ты бы видела, какой он бешеный стал! Как заорал: «Урою!» Я поверила – уроет. Хорошо хоть низовские заступились, потом меня в свою команду приняли. Теперь я всегда за них. А мне всё равно, против кого, главное – играть. И ещё понравилось боксировать. Спасибо Вовке моему. Это он научил меня тыдыщ-тыдыщ делать.
- Всё-таки странная ты... – задумчиво протянула Лариска и засобиралась домой. – зевашь тут, ёклмн, я тоже спать захотела. Пока.

* * *

Веснушчатые подсолнухи по-военному слаженно держали равнение на солнце. Не спрыгивая с коня, Софийка дотянулась до самого высокого, выкрутила желтопёрую лепёшку с крепкого стебля, развернула Грина, и они побрели домой.

Мимо, сигналив, проехало несколько автомобилей. Некоторых Софийка узнала: «К Лёвушкиным едут. А эти к Селивановым. Эти к Бармаковым. Эти... – на неё, высунувшись из салона и вывернув голову, во все глаза смотрел чернявый подросток. Ничего не запомнила, кроме чёрных глаз. Внутри что-то булькнуло, сердце подпрыгнуло и заработало в непривычно сбивчивом ритме. – Этих не знаю. Интересно, в Низовку или к нам? Попробую догнать».

Глава 6

Машина плюхалась по просёлку между берёзами.

– Меняется весь мир, кроме наших дорог. Быстрее Марс освоят, чем здесь асфальт проложат, – бормотал папа, наблюдая за мучениями сына. – Ну ты вертун! Весь наизнанку вывернулся.

– Жуть! – скорчил тот в ответ недовольную гримасу. Он уже не знал, как сесть, куда деть ноги, даже лежать пробовал.

Березняк закончился. Появились дома. Сначала по одному, по два, вразной. Потом – сплошняком, одним рядом, выдерживая линию.

– Уже приехали? – ещё нетерпеливей заёрзал Айнур.

– Читать умеешь? При въезде было написано: «Низовка».

– Вообще-то, пап, я в это время у другого окошка сидел, и у меня не сто глаз, а два, и смотрят они в одну сторону, а не сикось-накось.

Отец гыкнул. Мама задумчиво произнесла:

– Низовка разрослась, она и раньше больше Верхоречья была. Здесь школа, где я училась.

– Не понял? Ты из своей деревни пешком ходила учиться сюда?

– Ходила.

– Четыре километра пёхом. – Папа посмотрел на маму. – так?

– От нашего дома почти пять. Зимой, когда снегом дороги заметало, сначала проезжал трактор, если трактористы с похмелья не болели, потом мы.

– А если трактористы болели с похмелья?

– Добирались, каждый как мог: на санях, на лыжах или пешком, расталкивая собой сугробы. Но это редко, в основном – на санях.

– Весело ты жила.

– Для деревни обыкновенно. Как все.

– Горы видишь? – спросил папа Айнур.

– Где?

– Смотри вперёд.

– Я только вперёд и смотрю, но ничего не вижу.

– Да, тебе сто глаз не помешало бы! – съязвил отец. – горы и не видишь.

– Я вижу только два пупырышка, обросшие деревьями.

– Это и есть горы.

– Что?! Это горы?

– Я же предупредил – не Гималаи.

– Значит, доехали?

– Почти.

Верхоречье уходило в подъём и, в отличие от Низовки, было разбросано как попало. Некоторые дома убежали к подножиям гор. Дорога, по которой они приползли, при въезде в деревню разделилась на три рукава. Покатили по центру. Дома – по большей части бревенчатые или обшитые вагонкой. Среди них напыщенно смотрелись несколько кирпичных двухэтажных коттеджей. Через невысокий штакетник и сетку рабицу хорошо просматривались дворы.

Как въехали, на их машину накинудись кривохвостые собаки: соблюдая очерёдность, сопровождали от дома к дому, лаяли на все лады, соревнуясь в мастерстве важного собачьего дела. На лужайках неторопливо расхаживали высокомерные гуси, дорогу то и дело перебежали бесшабашные куры. Всюду сновали любопытные ребятишки. Взрослые, не менее любопытные, здороваясь, чуть ли не лезли головами в кабину.

– Это деревня, детка, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал папа. – Прибыли.

Затормозил у высоченного забора и посигналил.

– Зачем? – рассердилась мама. – Сейчас полдеревни сбежится глазеть.

– Полдеревни уже глазело на нас, и остальные пусть смотрят, жалко, что ли, мы же не уроды! – вываливаясь из машины, пошутил папа.

– От те на! – появилась у соседней изгороди смешная бабушка-сморчок в мужском трико и выцветшей рубашке навывпуск. – Здравствуйте, пожалуйста, гости ранние, гости редкие и долгожданные!

– Здравствуйте, баб Лид, – сдержанно откликнулась мама в ответ на длинное витиеватое приветствие.

Папа бабушке протянул обе руки поверх неровной изгороди. Заключив её сухонькие ладони в лодочку, потряс, приговаривая: «Рад встрече, рад!» Вернувшись к машине, тронул Айнура за плечо, шепнул:

– Не молчи.

– Здравствуйте, – запнулся тот, увидев в глубине соседского двора на крыльце дома девочку. «Всадница?!»

«Всадница» тоже узнала Айнура и, кажется, хотела что-то сказать.

– Софка, меня Мурзик оцарапал! – выскочил на крыльцо мальчик. – помоги его шугануть. – повиснув на руке девочки, потянул внутрь. – он мне лего собирать мешает, как ненормальный, прыгает, ломает и ворует.

– Сам шугай. С котом справиться не можешь? Мне полоть надо.

Выдернув руку, девочка спустилась с крыльца и побежала за дом.

– Софка – дура! – крикнул ей вслед мальчуган.

«Софка, – повторил про себя Айнур, чувствуя неожиданный прилив радости. – Приколно! Мне уже нравится в деревне».

Мама, прикрыв глаза, что-то прошептала и потянула дверь калитки.

«Молится, что ли? Чего она боится?» – удивился Айнур, тоже почувствовав лёгкую тревогу. Мамино волнение передалось и ему.

С обратной стороны, почти у калитки, их встретил невысокий квадратный мужчина. Настороженно глядя только на маму, сделал два шага вперёд, с выдохом «дочка!..» обнял её. Мамины руки повисли безвольно вдоль исхудавшего тела. Всхлипнув по-детски, она уткнулась носом в крепкое плечо отца.

– Ну вот, кому-то обнимашки, а кому-то даже «здрате» нет! – проворчал папа, делая вид, что обижается.

На самом деле он был очень рад. Появилась надежда – наконец-то наступит разрядка и всё наладится.

Айнур ни оглядеться, ни подумать ничего не успел – на него налетел чёрный пёс, такой же квадратный, как и хозяин.

– Ох!.. ну и собака... зачётная!..

– Это же ньюфаундленд! – восхищённо присвистнул папа.

– Откуда знаешь, что это ню... нюфан... как там?

– Ньюфаундленд, водолаз. В молодости, когда ещё не женился, мечтал завести такого же. У друга был.

– У дяди Толи? – уточнил Айнур.

– Нет. У Нияза, которого ты не знаешь. Он давно на севере живёт. Его водолаза звали Боня. Я страшно завидовал. Пёс наиумнейший был. Мы с ним ходили на речку, там веселились до упаду: залезешь в воду, притворишься, что тонешь, он тебя бросается спасать. У него перепонки между пальцами на лапах.

– А я-то думаю: почему Тимоха за мной в воду без раздумий сигает? – освободив из объятий маму, подошёл дед. – Знал бы раньше, Ихтиандром назвал. Эй, Тимоша, будь челове-

ком, отстань от гостей, треба и мне с ними поздороваться! Салам! – пожал руку зятю, потом воодушевлённо похлопал Айнура по плечу. – Здравствуй, внук! Я твой дед Иван, – официально представился, протянув широкую ладонь. – Вымахал. Если бы встретил на улице, прошёл бы мимо, не узнал. – дед с укоризной посмотрел на зятя. – за всю жизнь во второй раз видимся.

Обернулся, отыскивая маму, но она ушла осматривать хозяйство. Только приехав, поняла, насколько сильно истосковалась по родительскому дому.

Бум-бум! – застучали по воротам.

– Эй, откройте!

– Кажись, соседская девчонка. А сама-то что? Рук нет? Иду, не тарабань! – Дед споровисто поковылял к калитке.

Софийка, держа в обеих руках огромный лист с пирогом, била пяткой по воротам. Услышав, как открылась калиточная дверь, развернулась и выпалила:

– Пирог!

– Уже стряпня готова, – покачал головой Иван Фёдорович. – Неугомонная Лидушка!

Когда успела?

– Вообще-то она нам пекла, а когда увидела, что к вам гости приехали, велела отнести.

– Не стоило... хотя кстати. Бабушке спасибо передашь, а сейчас айда-пошли с нами чаёвничать. Проходи, проходи, стрекоза! Там у меня вот такой вот гость! – лукаво улыбаясь, Иван Фёдорович показал поднятый вверх большой палец. – Айда-пошли! – для верности ухватил Софийку за рукав футболки и втянул во двор. Выглянул на улицу. – Булат, ты бы машину во двор загнал.

– Я в гараж хотел.

– Там «Урал» и хлама всякого полно. Прибраться треба.

– Во двор так во двор, – разочарованно протянул зять, переживая за свой автомобиль. – накрыть найдётся чем? Хорошо бы брезент.

– Брезента нет, а ветоши в гараже уйма, – отмахнулся от него тесть, снова переключившись на Софийку, которая, устав держать выпечку в руках, поставила её себе на голову. – Не балуй – уронишь!

– Ля-ля-ля!.. – пропела та, дразня Ивана Фёдоровича. едва придерживая лист с краёв растопыренными пальцами, завилыла бёдрами на манер восточного танца.

Айнур во все глаза смотрел на загорелую чудачку, губы сами начали растягиваться в улыбке...

– Стой! – упал на колени, пытаясь ухватить Тимку.

Щенок-переросток в один скачок оказался рядом с Софийкой. Запрыгал, будто танцует на пару, а на самом деле старался достать пирог.

– Тимоха! Софийка! – осадил их окриком Иван Фёдорович. – Я тебе! – погрозил кулаком Тимке. Тот, обиженно сопя, отбежал в сторону. – Не рисуйся, стрекоза! Грохнешь пирог на землю – переедание для него, – сердясь, показал на Тимку, – неуважение к бабушке – старалась, пекла, разочарование для нас – так и не попробуем.

– Ой да ладно! – отрезала Софийка, смутившись. – на, – сунула лист Айнуру и побежала со двора.

– Постой, с внуком познакомить не успел...

«Представляю это стрёмное чувство, когда на тебя наезжают при ком-то», – посочувствовал ей мысленно Айнур.

– Бесовка стеснительная, оказывается! – хмыкнул дед. – эй, Тимоха, куда опять тянешься? Что за щенок! Не так кости грызть любит, как Лидушкину выпечку.

– Тимоха – щенок? – оторопел Айнур.

– Что, пугает размерами? Сам боюсь представить, в кого превратится. – дай-ка мне. – дед отобрал пирог у внука. Тимка заюлил вокруг хозяина. – Не верти бесполезно хвостом, веди гостя в дом. Куда Виктория убрела?

– Мама!

– Ш-ш, не кричи – не потеряется! – шикнул Иван Фёдорович. – Айда-пошли... Булат, что там возишься?

– Я место в гараже освобождаю, туда машину...

– С машиной как с дитём.

– Дорогая тачка, – заступился за отца Айнур. – тем более в кредит.

– Ну и ну!.. – усмехнулся дед, не договорив то, о чём подумал.

«Не цепляйся, старый хрыч!» – остановил себя, оберегая редкое радужное настроение. Долгое время проживая один, скуп стал на эмоции. Приезд близких растормошил. Особенно взбодрила Виктория: сумела преодолеть давнюю обиду, подарила, хоть и зыбкое, готовое в любой момент упорхнуть, умиротворение.

После звонка зятя и разговора по поводу здоровья дочери внутри Ивана Фёдоровича поселилось беспокойство. Колкая тревога, дотягиваясь до сердца, сжимала его, отпускала, снова сжимала... только увидев Вику, Кряж успокоился. Несмотря на излишнюю худобу, болезни в ней не почувствовал. Уверил себя: если и болеет, то несерьёзно. Вику город съел. Город всех съедает, у кого физическую оболочку, у кого душу...

– А у этой Софийки есть лошадь? – прервал размышления деда внук.

– Конь, Грин. Почему спрашиваешь?

– Когда ехали, кажется, её встретили. Далеко от дома.

– Она. Стрекоза-путешественница. Не знаю, кто из низовских девчат, а у нас в Верхоречье, кажись, только Лидушкина внучка верхом скачет. Молодёжь на машинах, мотоциклах и ещё на этих, подзабыл, на мотороллеры похожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.